

Вопрос о соотношении и взаимодействии устной, народно-поэтической, диалектной речи с одной стороны и нормативной с другой — одна из наиболее спорных проблем современного литературного движения.

«Русская речь» уже обращалась к этой теме, предоставив свои страницы писателю Василию Белову (№ 2, 1969), статья которого нашла живой отклик у наших читателей.

Публикуемая в этом номере статья ленинградской поэтессы Майи Борисовой посвящена той же проблеме. М. Борисова пишет о трех поэтических сборниках, тем не менее статья ее — это отнюдь не рецензия, т. к. в ней идет речь о различных типах отношения поэта к фольклорной традиции. Редакция продолжит разговор о языке современной поэзии в следующих номерах журнала.

Н а р о д н о е к р а с н о с л о в и е

Самородное, исконно русское слово, речение, старинные устные формы творчества: былины, песни, припевки, присловья — издавна были для русской литературы, особенно для поэзии, неисчерпаемым источником, драгоценным кладом.

Повысившийся в последнее время интерес к русской истории, культуре, архитектуре создал для поэтов аудиторию, очень чутко и доброжелательно принимающую фольклорные тенденции в их творчестве. Повторяется в своем роде ситуация старой сказки, где дарь, избалованный и пресыщенный изделиями искусных поваров, с жадностью набрасывается на простую горькую луковку с мужицкого огорода. «Намек» сказки тем более справедлив, что луковка не только остра на вкус, но, как выяснилось позже, богата необходимыми для жизни витаминами.

Итак, перед нами три стихотворных книжки. Даже если судить только по названиям, видно, что автор каждой из них отчетливо сознает в своем творчестве народные мотивы. «Аленушка» (М., 1967) — так называется книга Ольги Фокиной, «У песенных родников» (М., 1968) — Николая Леонтьева, «Сердолик» (М., 1967) — Ивана Лыцова. Далее мы увидим, насколько точно названия отражают специфику сборников.

Однако почему именно эти книжки привлекли наше внимание? По той при-

С Л О В О П И С А Т Е Л Ю

чине, что они воплощают в себе как бы три способа проникновения фольклорно-разговорной лексики и устных жанров в книжную поэзию. Эти три способа не исчерпывают, разумеется, все возможности такого синтеза (или симбиоза), но, на наш взгляд, они весьма показательны для общего положения.

Итак, первая из рассматриваемых книг поименована «Аленушка». То есть книга, как человек, наделена ласковым, сказочно-простонародным женским именем. И как в современном человеке зачастую сочетается деревенское происхождение с городским образованием, увлеченность «проклятыми вопросами», выдвинутыми цивилизацией, с любовной приверженностью к несколько патриархальным формам деревенского бытия, так и в книжке Ольги Фокиной исконная, диалектная лексика нерасторжимо связана с понятиями и словами, рожденными современностью.

Этот слав делает сборник чрезвычайно убедительным психологически. По нему не хуже, чем по экономическим исследованиям или социологическим анкетам, можно изучать, как живет и о чем думает житель Вологодчины, как утверждаются в его быту не только новые вещи, но и новые отношения.

Подарю часы золовке,
Платье шелково — свекровке...
Ты, свекровка-матушка,
Не стучи ухватушком,
Я — твоя подставушка,
Я люблю Степанушка!

Так скажет Ольга Фокина в стихотворении «Присказка». И древняя песенная ситуация прорастет вдруг новой, могучей смысловой ветвью: самым веским аргументом в пользу будущей невестки станет не богатство, не красота и даже не хороший характер, а то, что она любит того, кого так обаятельно называет «Степанушко».

В стихотворении «Бабушка», где речь пойдет об одном из величайших завоеваний современности — о полетах в космос (конкретно — о космонавте Павле Беляеве), эти полеты предстанут перед нами явлением глубоко народным, укоренившимся уже в сознании не только ученых и инженеров, но и полуграмотной деревенской старухи.

Ведь баюкала в Рослятине
Пашку...
Осподи, прости!
...Да уж-ко аккуратнее
Телевизор-то крути!
Сделай ярче-то да зорче-то!
Ой, внучок! Смотри-ка ты:
Голова у Павла — в обруче,
Ровно лики у святых!

В лучших стихах О. Фокиной достоверность слова постоянно подкреплена достоверностью быта, настроения. В поэме «Аленушка» есть следующие строки:

...А у мамы дома — баня!
И сегодня — даже с мылом!

Это *даже* — естественно и неизбежно; человек, знающий деревню извне, со стороны, не способен так написать о ее трудном повседневном быте.

Впрочем, умение глядеть и видеть, если не со стороны, то во всяком случае взглядом выбирающим и оценивающим, тоже имеет свои несомненные достоинства. Убедительное подтверждение тому — последняя поэтическая книга известного прозаика, поэта, фольклориста Николая Леонтьева. Ее принципиальное отличие от «Аленушки» — явственно. Для Ольги Фокиной живой язык северной деревни — язык свой, разговорный. Как выпивальщицы бисером настилали узор, уже не думая о том, что и каждая бисеринка сама по себе есть произведение мастерское, так и Фокина вяжет в «строку» и обиходные, и песенные, и городские, и сельские «лычки», вяжет, как вяжется, и в этой естественности — одна из притягательных сторон ее таланта.

Николай Леонтьев же в этом деле — знаток, ценитель, накопитель. Он приходит к кладам «песенных родников» для того, чтобы вынести их сокровища на свет, да не просто вынести, а отобрав, огранив, соединив их так, чтобы ярче сверкали, краше выглядели. Отсюда и благоговейное удивление: «где в своем красноречье народ речевые узоры берет?», и понимание святой необходимости «и хранить, и для внуков беречь самоцветную русскую речь».

Как правило, автору удается заставить читателя еще и еще раз подивиться красочности и сочности северного припечерского говора, поэтичности песен, озорству и складности прибауток. Диалог юной пары из стихотворения «За деревней» напоминает о традиции вопросов-ответов в старинных играх, хороводных песнях.

— Юны годы минут скоро,
Их немножко впереди...
— Ой, не вдруг, милой, под гору —
С поноворочкой иди!..

.

— Я промолвлю тайно слово,
Очи ясны подыми...
— Вот пристал, смола елова,
Ну, целуйся, не томи!

Искусно сплетает поэт слова в стихотворениях-песнях «Девичья», «Свекрова», «Тещина», «Говоря», «Хорохорочка»:

Ты упрямиться не стала,
Полюбила, не тая,
Хорохориться не стала,
Хорохорочка моя.

Уверенное владение народным словом, глубокое знание законов народного творчества и диктует, видимо, Н. Леонтьеву заботу о том, чтобы богатства «самоцветной русской речи» использовались не суетно, не поверхностно.

Сам поэт смиренно просит родимую страну пустить его «песню-гостью» в свое многоголосье. Его герой Матвей Перегуда наставляет таких же, как сам, «краснословов»:

Говори кругло да ладно,
Речью бей, казни, ласкай,
И с иголки, нарядной,
Думу в люди выпускай!

И уже откровенно тревожные ноты звучат в стихотворении «Фольклорист», где собеседник автора долго «дифирамбы пел во славу песенных профессий, не внемля, как через купе двинских девиц звенели песни».

Разумеется, небрежное отношение к слову или бережное, но чересчур книжное его усвоение составляют вполне реальные опасности и в практике поэтов, обращающихся как к материалу к устной народной речи.

Но не менее опасна и другая крайность: безоглядная уверенность в самоценности каждого диалектного слова, убежденность в том, что куда и как ни пришей этот самоцвет, наряд «думы, выпущенной в люди» только выиграет. Надо сказать, что эту мысль как будто несколько опровергали первые печатные выступления поэта, о котором речь пойдет ниже, Ивана Лысцова. Любителям, несомненно, памятно появившееся в одном из московских «Дней поэзии», а затем открывшее книжку «Благодарствую, жизнь!» (М., 1966) стихотворение «На Заманном лугу».

Истинной красотой, покоем и величием веяло от нехитрого рассказа о стаде, которое пасется «на Заманном лугу, под большим рассыпчатым солнышком». Самое необычное заключалось в том, что стихотворение почти сплошь состояло из перечисления названий деревень, речек, луговых трав, коровьих кличек и именотчеств доярок. И эти невыдуманные «имена собственные» излучали такой свет истинной поэтичности, что связующая их авторская речь, действительно, почти свелась к роли нити, на которую низались самоцветы.

На Заманном лугу, под одним вислым облаком,
Между речек:

Верчунья, Сновá,
Семинаха, Кривка и Нашенка,
Аленушкина коса, Волхова,
Локотцы, Бай-волна и Любашилка...

Многие стихи из книги Ивана Лысцова «Сердолик» снова и снова подтверждают благотворность разумного доверия к простому народному слову.

Но — и здесь возвращаемся к тезису об опасности «другой крайности» — доверие не должно быть безоглядным, а слово должно быть понятным без погружения в дебри специальных словарей. Непривычное глазу и слуху, оно ясно должно являть свой смысл в контексте. Но вот мы читаем:

В баенке без бабушки
Зябко голышам.
Было бы с кем в ладошки
Няться малышам.

Глагол *нять* — одна из форм глагола *имать*, то есть ‘брать’, ‘ловить’, ‘собирать’, но никак не ‘играть’, ‘забавляться’, как то следует из содержания фразы.

Говорил: красавя, хочешь,
Я из солнечья лучья
Перстенок солью молодчий,
Если ты еще ничья?

Но ведь *молодчий* — это почти то же, что *молодецкий* (во всяком случае, в общерусском языке), то есть ‘удалой’, ‘храбрый’. Сказать так про перстенок, слитый (кстати, кольца не сливают, а отливают) из «солнечья лучья» — значит ничего про него не сказать.

«Поуронили слово русское! И то, которое в ходу, оно в плечах такое узкое, что не узнать и на виду», — сетовал Иван Лыцов в книге «Благодарствую, жизнь!».

В «Сердолике» немало строф, где разбег поэтической речи широк необычайно, почти безудержен. Но быстрое движение тем более требует синтаксической устойчивости, точного места для каждого слова. Иначе происходит следующее:

И раздались глыбистые плечи,
Целый год к каким не припадал
Рот девичий в полымястой речи
В миги,

взор во взор

когда впадал....

Сеностав

Или

Мягко зашумья малиновым звоном
В белых пупырьях хмелинок медок.
— Пять уж десятков и дышим озоном,
С каждою пчелкой в задружье, милоч.

Пасека

Смысловую и грамматическую невинятицу приведенных выше строф не спасают песенно-диалектные «миги», «пупырья», «задружье» и «милоч».

Языковые издержки неминуемо оборачиваются издержками смысловыми. Это легче всего проследить, взяв для сравнения из

трех сборников три стихотворения свадебной темы. Мы уже отметили, что Ольга Фокина создала в своей «Присказке» симпатичный и очень современный характер невесты.

Николай Леонтьев в своей «Свёкровой» свадебной застольной песне, вдоволь поиграв словом, нарисовал одновременно и впечатляющий образ старой, «половинной» жизни, и колоритную фигуру весельчака Перегуды, противопоставившего невзгодам юмор и душевную независимость:

Мы смотрели вплоуглаз,
Мы плясали вплоуглас...
.
Вот такую жизнь-корору
Хочешь — кушай,
Хочешь — ешь...
Даже плешь моя в ту пору
Называлась — полуплешь.

Но трудно расшифровать не только людские характеры, но и просто ситуацию в таком описании смотрин:

Пир еще был во полупире,
В полбеседе — разговор,
А уже твои насупили
Мать с отцом радобен взор.
За беду не показалось,
За препону не почел
То, что ими набивалась
Ты в цене, как взор прочел.

Перелистывая страницы книги, носящей имя камня, используемого для украшений, невольно думаешь, что автора зачастую привлекает и в народной речи ее чисто внешняя, декоративная сторона.

Самородные слова и впрямь, точно камушки на крымском берегу, окатанные волной, кажутся все до одного сердоликами. Но собирая их, нужно иметь точный глаз и несуетливую руку, иначе, рассыпанные по книжным страницам, они могут обернуться простой галькой.

Майя БОРИСОВА

В следующем номере
читайте статьи о языке и стиле
Лермонтова, Достоевского,
Салтыкова-Щедрина